

Ночной разговор

Хотя он и не был уверен, что застанет Сюй Чуня в Квартале Бамбуковых Ветвей, Се И не стал отправлять вперёд гонца. Он просто неспешно подъехал к задним воротам, где в тени раскачивались бамбуковые стебли, а алая краска на створках ворот потрескалась от времени.

Се И, не слезая с коня, постучал по воротам рукоятью хлыста. Старый слуга, услышав стук, тут же отворил и, с сияющим лицом, подошёл, чтобы взять поводья.

— Девятый господин пожаловал! Вы уже ужинали? На кухне есть рыбный суп, свежайший! Может, сварить вам лапши? А ещё есть тушёные бобы с зелёным луком, молоденькие, только что из стручков. С бокалом сладкого жёлтого вина — просто объедение.

Се И улыбнулся, внезапно ощутив теплоту этого простого домашнего уюта, словно он и впрямь был странником, вернувшимся домой, где его первым делом спрашивают, ел ли он, и готовы утешить желудок тарелкой горячего супа. Неужели так живут обычные люди?

— Я уже поужинал, — ответил он. — А где ваш молодой господин? Ушёл куда-то?

— Вам повезло, — сказал старина Шэн Лю. — Последние дни он постоянно был на приёмах. А сегодня ему подарили набор моделей кораблей, так он теперь не может налюбоваться, наверху играет, даже об ужине забыл. Как раз вы пришли, может, вместе и поужинаете.

— В такое время ещё не ужинал? — Се И взглянул на небо. — Нельзя потакать вашему господину, есть нужно вовремя.

— Эх, наш господин — сущий ребёнок, настроение у него меняется по сто раз на дню. Кто ж осмелится ему указывать? Он поступил в Высшую школу, так госпожа от радости три дня пиры устраивала! Теперь он для неё — свет в окошке. Ничего, на кухне всё горячее. Он парень разумный, как проголодается, сам на кухню прибежит.

— Тогда накрывайте на стол, — решил Се И. — Я поужинаю с ним.

Морщинки на лице старины Шэна Лю разгладились от улыбки.

— Сейчас велю старухе всё устроить. — Он указал на второй этаж, на крайнюю справа комнату: — Девятый господин, поднимайтесь сами. Чуньси и остальные ушли по делам: кто подарки развозит, кто на письма отвечает. Да и из княжеской резиденции постоянно приходят. После поступления в академию дел прибавилось. Но господин велел, если вы придёте, сразу впускать, не заставляя ждать.

Продолжая бормотать себе под нос, старина Шэн Лю удалился на кухню. Се И заметил, что в доме и впрямь было тихо, слуг-мальчиков тоже не было видно — видимо, их отправили с поручениями.

Обувь с мягкой подошвой бесшумно ступала по деревянным половицам. Он поднялся на второй этаж и вошёл в крайнюю правую комнату. Она оказалась просторной и светлой. Вдоль стен стояли стеллажи, заставленные всевозможными резными фигурками из дерева, кораллами и другими диковинками. Среди них было множество моделей кораблей. Стало ясно, что это комната для игр и развлечений Сюй Чуня.

Сам Сюй Чунь, одетый в домашний шёлковый халат, склонился над огромной, плоской и вытянутой кадкой с водой. Он был полностью поглощён созерцанием маленьких деревянных корабликов, которые, к его восторгу, двигались по воде сами, величественно рассекая водную гладь и оставляя за собой расходящиеся волны.

Сюй Чунь выловил один из корабликов и потянулся, чтобы завести пружину. Внезапно почувствовав чьё-то присутствие у двери, он резко поднял голову и, увидев Се И, вскрикнул от удивления и радости:

— Девятый братец?

— Во что играешь? — с улыбкой спросил Се И. Он-то думал, что юноша либо усердно грызёт гранит науки, либо увлечённо посещает званые вечера, а тот, оказывается, в одиночестве играл, словно ребёнок, не растерявший своей непосредственности.

Сюй Чунь, всё ещё держа в руках мокрый кораблик, густо покраснел, будто его застал за праздностью строгий учитель.

— Девятый братец, — пробормотал он, — мне только сегодня их подарили, обычно я таким не занимаюсь.

— Я же не твой наставник, — сказал Се И. — Не нужно так напрягаться. Мне просто было нечем заняться, вот я и решил прогуляться и заглянуть к тебе. — Он опустил взгляд на модели в кадке. — Весьма искусно сделаны. Сами плавают?

Сюй Чунь с облегчением вздохнул и поднял кораблик.

— Да, вот здесь натянута жила, её можно закрутить, чтобы завести пружину, и тогда вот это весло начинает вращаться, и корабль плывёт.

Се И с интересом некоторое время рассматривал механизм, затем сам попробовал завести его и опустить кораблик на воду. Тот действительно, затарахтев, поплыл.

— Занятно, — произнёс Се И. — Где такие делают? Пожалуй, искуснее, чем те, что в Министерстве общественных работ.

— В провинции Минь, у моего деда по материнской линии есть верфь, — объяснил Сюй Чунь. — Они строят корабли только для себя. Когда я в детстве гостил у деда, то увидел у двоюродного брата такие же кораблики и очень их полюбил. С тех пор каждый год, когда на верфи строят новый корабль, мне присылают его уменьшенную копию.

— Это они? — Се И взглянул на стеллажи. — Все из тикового дерева?

— Да.

Се И подошёл ближе. Его внимание привлёк набор маленьких, совершенно белых парусников. Сюй Чунь тут же подбежал к нему и, словно пересчитывая фамильные драгоценности, с гордостью начал рассказывать:

— Этот называется «Белый лебедь», я сам придумал. Он небольшой, быстрый и манёвренный, но для дальних плаваний не годится, только для прибрежных вод. Может взять на борт человек двадцать... Длина девяносто чи, ширина двадцать, осадка три чи. Такие маленькие суда хороши для перевозки пассажиров.

— А это «Четыре моря», самый старый корабль для дальних плаваний в семье моего деда. Его построили ещё предки рода Шэн. Сейчас он уже не ходит в море, стоит в порту как память о предках.

— Это «Золотая чешуя», его построили по приказу деда в год моего рождения. Уже восемнадцать лет, а он до сих пор в плавании. Это большой корабль: сто восемьдесят пять чи в длину, тридцать в ширину, осадка восемь чи. В один рейс он может взять больше сотни человек. Видите, здесь даже есть место для пушек, на случай встречи с пиратами. Но пираты, завидев корабль семьи Шэн, обычно не рискуют нападать, знают, что им не сладить.

Се И взял в руки одну из моделей и провёл пальцем по её дну.

— У морских судов всегда заострённое дно?

— Да, — кивнул Сюй Чунь. — Морские корабли боятся мели, а не глубины. Заострённое дно лучше подходит для дальних плаваний.

Се И поставил модель на место. Он размышлял о том, что давно подумывал о создании управления кораблестроения и выбирал между Цзинем и Минем. Теперь ему казалось, что в Мине это будет сделать гораздо проще. И академию кораблестроения, и военно-морское училище — всё это следовало бы основать, но это дело не одного дня.

Он взглянул на Сюй Чуня. Глаза юноши блестели, уши всё ещё были слегка красными, но вид у него был чрезвычайно довольный. Нужно ещё немного подождать, пока этот ребёнок повзрослеет и сможет управлять целой провинцией... — подумал Се И. Да и в одиночку ничего не сделаешь. Разве учитель Цюншань не был бессилён именно потому, что остался один? В ближайшие годы нужно будет подобрать несколько дельных министров, подготовить почву.

Сюй Чунь заметил его пристальный взгляд и, смутившись, спросил:

— Девятый братец, тебе, наверное, неинтересно?

— Напротив, очень интересно, — ответил Се И. — Я просто подумал вот о чём: на днях ты писал мне, что сейчас в академии вы изучаете «Расширенное толкование Великого учения», верно?

— Да, — подтвердил Сюй Чунь. — Спасибо, что ты раньше объяснил мне «Великое учение», теперь мне гораздо легче учиться.

— Я думаю, раз уж тебе так интересны морские суда и перевозки, тебе стоит прочесть и «Дополнение к расширенному толкованию Великого учения» Цю Цзюня.

— Хорошо, — немедленно согласился Сюй Чунь. — Я как раз дочитываю книги учителя Чжоу, которые ты мне дал. Сейчас же велю Чуньси и остальным найти мне эту книгу.

— Ты не прочтёшь её за один присест, — кивнул Се И. — Там есть раздел о развитии морских перевозок. Если не ошибаюсь, в главе «О государственных расходах», подраздел «О целесообразности перевозок». Можешь начать с него.

— Что такое морские перевозки? — удивился Сюй Чунь.

Се И подошёл к большому и широкому столу у ширмы, взял лист бумаги, расстелил его и несколькими штрихами набросал извилистую линию, отметив на ней несколько кружков.

— Цю Цзюнь был родом из Цюнчжоу, поэтому он считал, что морские перевозки удобнее и выгоднее речных. Вот нынешний маршрут речных перевозок. Зерно с юга перевозят на север дважды в год, весной и летом, исключительно по рекам. Если русло заилится, перевозки прекратятся, и придётся использовать сухопутные пути, что требует огромных затрат. А морской путь всегда свободен, он экономит и время, и силы. К тому же, по морю можно перевозить зерно не только из Цзяннани, но и из Миня и Гуана.

Се И нарисовал рядом линию побережья и дугой провёл морской маршрут до самого порта Цзинь.

— В этом есть смысл! — поразился Сюй Чунь. — Морские суда вмещают гораздо больше, и

затраты минимальны. Правда, этот морской путь нужно тщательно продумать. Пиратов много, а в открытом море, если они нападут и разбегутся, их уже не догонишь. Контролировать это сложнее, чем речные пути. К тому же, в море, если попадёшь в шторм и корабль затонет, потери будут огромными, людей не спасёшь, даже тел не найдёшь.

— Да, — согласился Се И. — Он тогда предложил использовать оба пути, речной и морской, но тогдашний первый министр выступил категорически против, утверждая, что морские перевозки крайне небезопасны и могут погубить множество жизней. Он ссылаясь на то, что человеческая жизнь бесценна, и не разрешил этого.

— Но если государство выделит больше военных кораблей для сопровождения, — возразил Сюй Чунь, — если несколько раз пройти по маршруту, наладить его, нанять опытных моряков, которые будут следить за погодой и не выходить в море в шторм, то, я думаю, это вполне осуществимо.

— Ты прав, — улыбнулся Се И. — Поэтому тебе стоит уделить этому больше внимания. Кто знает, может, однажды твои знания и пригодятся.

— Это дело чиновников, — беззаботно отмахнулся Сюй Чунь. — И я думаю, тот министр говорил о человеческих жизнях не просто так. Открытие нового морского пути задело бы интересы слишком многих. Вот он и прикрылся высокими словами. Разве при строительстве каналов не гибло множество людей? А при строительстве Великой стены? А при возведении гробниц? Разве императоров это волновало?

Се И удивлённо взглянул на него.

— Почему ты решил, что дело в борьбе за выгоду? Впрочем... император должен править милостиво. А такие вещи, как изнурительные войны, строительство каналов, стен и гробниц, всё же вызывают опасения. И потомки называют это тиранией. Императору нужно, чтобы министры постоянно напоминали ему о милосердии и любви к народу.

Он опасался, что, рассказав слишком много, внушит Сюй Чуню страх перед дворцовыми интригами, и потому не стал упоминать о борьбе за выгоду. Но как Сюй Чунь сам до этого додумался?

— Девятый братец, это же как в торговле, — усмехнулся Сюй Чунь. — Если ты вторгаешься на чужую территорию, лишаешь человека источника дохода, это всё равно что убить его родителей! Вот, например, мой двоюродный брат недавно приезжал в столицу. Он шёл по каналу. Казалось бы, он привык к морю, что ему река? А всё равно пришлось по пути платить дань гильдии речного транспорта. На всём пути, помимо государственных пошлин, нужно ещё и гильдии отстёгивать! А за этими гильдиями стоят местные богачи и знатные семьи. Сколько людей кормится с этого канала! Тут уж сильный дракон не может задавить местную змею. Вторгаться на чужую территорию — главное табу для торговца.

— Этот господин Цю слишком просто всё себе представлял. Открыть морской путь — это

значит залезть в карман ко всем этим областям и уездам, через которые проходит канал! Он, выходец из Цюнчжоу, приехав в столицу, не имел никакой поддержки. Кто ему поможет? Чтобы осуществить свой замысел, ему нужно было как минимум иметь собственный флот, какое-то время бесплатно перевозить грузы для казны, взимая плату только за расходы. Когда морской путь будет налажен, тогда и станет ясно, выгодно это или нет, сколько людей погибло, сколько товаров потеряно. И тогда казна увидит пользу. А ещё нужно договориться с гильдией речного транспорта, поделиться прибылью, чтобы и им была выгода. Только так можно было бы всё устроить. В торговле главное — чтобы все зарабатывали. А если ты богатеешь, разбивая чужой котёл с рисом, то твой бизнес долго не протянет.

Сюй Чунь водил пальцем по карте.

— Если бы казна открыла порты в нескольких прибрежных областях, чтобы и они могли получать портовые сборы, то местные жители получили бы выгоду, и чиновники этих областей, конечно, поддержали бы морские перевозки. Может, за право построить порт у себя ещё и дрались бы. Это называется «соблазнять выгодой», и это гораздо эффективнее, чем «управлять властью».

Он поднял глаза и увидел, что Се И смотрит на него со сложным выражением лица. Сюй Чунь тут же смутился.

— Я это так, глупости говорю. Если я неправ, ты меня поправь.

— Нет, — покачал головой Се И. — Ты мыслишь очень верно, и предложенные тобой решения... тоже весьма неплохи. Воистину, птенец феникса поёт чище старой птицы.

Сюй Чунь вспыхнул и не смел поднять на него глаз.

— Девятый братец, ты меня перехваливаешь... Я просто так сказал. Я думаю, казна не откроет морской путь. Посмотри, на государственных экзаменах большинство победителей — из Цзяннани. Этот регион — их основа, речные перевозки — их всё. Все чиновники — их люди. Как они могут это допустить?

— Сын Неба правит четырьмя морями, — спокойно произнёс Се И. — Если он не смеет открыть морской путь, то какой же он Сын Неба?

— ... — Сюй Чунь замолчал. У девятого братца поистине удивительный бунтарский дух. Он не осмелился продолжать эту тему и неловко сменил её: — Если морской путь действительно откроют, мой прадед был бы вне себя от радости.

Се И улыбнулся. Этот юноша прав. На экзаменах отбирают по умению слагать стихи и писать сочинения. И, конечно, отбирают учеников и земляков. Это застарелая болезнь. Чтобы найти дельных чиновников, придётся, видимо, начать с реформы экзаменационных заданий. Но министры хотят, чтобы император правил, сложив руки, а не проводил реформы.

За окном шелестели листья бамбука. Снизу донёлся голос Шестой нянюшки:

— Господин, ужин готов.

Сюй Чунь удивлённо взглянул на Се И.

— Шестая нянюшка с детства за мной ухаживает, — смущённо проговорил он, — она не слишком церемонна, ты не обижайся.

Се И и сам уже почувствовал аромат еды. Эта домашняя атмосфера была ему приятна.

— Что ты, — улыбнулся он. — Это я велел им накрывать на стол. Сказал, что ты заигрался и забыл про ужин. Пойдём, поедим вместе.

Сюй Чунь просиял и, радостно следуя за Се И, спустился в столовую.

— А почему сегодня нет старшего брата Фана? — спросил он по пути. — И почему ты опять один, без Уфу и Люшуня? Это же нехорошо, вдруг опять случится то, что в прошлый раз.

— Не случится, — ответил Се И. — У них дела.

Сюй Чунь был с этим не согласен, но промолчал и лишь поспешил вперёд, чтобы придержать занавеску.

Как только Се И сел, Сюй Чунь тут же принялся ухаживать за ним, наливая суп.

— Девятый братец, тебе уже лучше? Это суп из свежей рыбы, очень вкусный. А вот ещё морские ушки. Посмотри, их жарили на открытом огне, с соусом из фиолетового лука и чеснока. Это коронное блюдо Шестой нянюшки! А вот цзунцзы, завернутые в бамбуковые листья. Попробуй, девятый братец, листья из моего сада, очень чистые. А цзунцзы у Шестой нянюшки получаются лучше всех. Есть солёные и сладкие. Возьми потом с собой, угостишь и брата Цзысина.

Се И медленно взял палочками нежные, тушёные с зелёным луком бобы. Вкус был свежим, нежным и долгим.

— К этим бобам нужно вино, — заметил он.

— Есть сладкое жёлтое вино! — тут же отозвался Сюй Чунь. — Очень густое, полезное для крови! — Он позвал Шестую нянюшку, и та вскоре принесла кувшин.

— Я его подогрела, — сказала она, — добавила сушёной сливы и леденцового сахара. Но выпить разрешаю только один кувшин. Девятый господин ведь тоже ещё не совсем здоров?

— Конечно, конечно, — улыбнулся Сюй Чунь и налил вина себе и Се И. Се И выпил чарку и почувствовал, как по телу разливается тепло. В лёгком опьянении он ощутил приятное расслабление и велел Сюй Чуню налить ещё.

Сюй Чунь и сам выпил, но не торопился наливать снова.

— Девятый братец, — с улыбкой сказал он, — ты сначала поешь супа. От этого вина можно быстро опьянеть.

Се И послушно взял ложку и принялся за суп. Он не возражал против советов Сюй Чуня. А тот, наконец увидев девятого братца, забыл все свои недавние сомнения и страхи и болтал без умолку, попивая вино и с удовольствием рассказывая обо всём на свете.

Се И слушал его, время от времени задавая вопросы:

— Так в честь твоего поступления в академию в вашем доме пировали несколько дней?

— Это я раньше был таким непутёвым, — покраснел Сюй Чунь, — не смейся надо мной. Просто семья немного отпраздновала, на второй день пришли родственники, а на третий мы с братьями и сёстрами устроили небольшой пир.

— Что ты, я тоже за тебя рад, — ответил Се И. — Я ведь даже прислал тебе поздравительную каллиграфию. У тебя много братьев и сестёр?

— У нас в семье две ветви, — подробно объяснил Сюй Чунь. — В старшей ветви только старшая сестра, она уже замужем и с нами почти не общается. Так что я говорю только о своих родных братьях и сёстрах. У меня два сводных брата и две сводные сестры. Они ещё маленькие, так что мы вместе почти не играем.

— Твой сводный брат в этом году сдаёт весенние экзамены?

— Да, — кивнул Сюй Чунь. — Он очень талантлив, но характер у него странный, он холодный и со мной почти не разговаривает. Правда, позавчера он пришёл поздравить меня, выпил со мной несколько чарок и наговорил каких-то странных вещей. Сказал, что виноват передо мной и моей матерью, и что если сдаст экзамены, то обязательно отблагодарит. А ещё советовал мне исправиться, порвать с дурными друзьями, усердно учиться в академии и ни в коем случае не связываться с членами императорской семьи.

— Что ж, — произнёс Се И, — оставим в стороне всё прочее, но в этом он прав.

— Девятый братец, ты не знаешь! — воскликнул Сюй Чунь. — Он недавно пожаловался на меня бабушке! Сказал, что Ли Мэйя отчитал меня за расточительство, что я якшаюсь с членами императорской семьи, что я люблю мужчин и якшаюсь с актёрами! Меня чуть не выпороли. Понимаешь? Он пожаловался на меня бабушке, а теперь, когда я поступил в академию, приходит с лицемерными извинениями, да ещё и так искренне, будто мне это нужно!

Се И не мог удержаться от смеха.

— В вашей семье, похоже, только бабушка может на тебя повлиять? Твои отец и мать, кажется, слишком тебя балуют и ни в чём не ограничивают. Если он действительно хотел, чтобы ты исправился, то ему ничего не оставалось, как пожаловаться бабушке. Зачем ему перед экзаменами навлекать на тебя порку?

— Девятый братец! — Сюй Чунь широко раскрыл глаза. — Ты не понимаешь! Он боится, что я помешаю его блестящей карьере! Боится, что я разозлю цензора, и это повредит ему на службе! Боится, что я опозорю всю семью, нас лишат титула, и он лишится своего богатства и положения! У него высокие амбиции! Он меня презирает! Понимаешь, девятый братец?! Он просто меня презирает! Он думает, я не вижу! У него на лице написано, что он — лотос, растущий из грязи, а я — та самая грязь.

— А теперь ещё и лицемерит! — Сюй Чунь хлопнул по столу, всё больше распаляясь. — Он презирает меня, но пытается изображать из себя старшего брата и учить меня жизни! Заводить мне... — он увидел смеющиеся глаза Се И, и его язык запнулся. Он икнул и неловко закончил: — ...друзей или нет, какое ему дело!

Се И слушал его громкие речи, видел его покрасневшее лицо и блестящие, влажные глаза и понял, что тот уже пьян. Он с трудом сдержал смех и успокаивающе сказал:

— Понял, держись от него подальше. Это всё мелочи. Главное, ты должен беспокоиться о титуле вашей семьи. Если у сводного старшего брата будет репутация добродетельного и талантливого человека, а ты будешь вести себя слишком легкомысленно, то могут найтись желающие подстроить так, чтобы на тебя подали жалобу.

— Понял... — пробормотал Сюй Чунь и вдруг загрустил. — Но он выглядел таким искренним, даже плакал. Разве я не хочу иметь больше братьев... Знаешь, что он сказал? Сказал, что все мои друзья со мной только из-за денег... И хоть это правда, всё равно было очень обидно. Он так низко меня ценит.

Се И с трудом сдерживал улыбку, боясь, что юноша обидится. Подумав, он сказал:

— Кстати, раз уж ты поступил в академию, ты должен угостить меня.

Глаза Сюй Чуня, ещё влажные, тут же заблестели, а уголки губ поползли вверх.

— С превеликим удовольствием!

— И куда же ты меня пригласишь? — с улыбкой спросил Се И.

— Пойдём в театр «Тысяча осеней»? Там недавно поставили несколько новых пьес.

— Ты же говорил, что у тебя есть книжная лавка на берегу озера Чуньмин, очень тихое место,
— покачал головой Се И. — У меня завтра как раз будет время. Пойдём туда, полюбуемся
весенним пейзажем.

Глаза Сюй Чуня засияли.

— Хорошо! Я завтра на весь день закрою лавку для посетителей.

— Не нужно, — возразил Се И. — Разве не лучше найти тихое место, откуда можно наблюдать
за суетой, любоваться пейзажем и людьми? Я люблю наблюдать за шумом из тишины.

— Как скажешь, девятый братец! — обрадовался Сюй Чунь.

Се И вернулся во дворец уже ночью. Су Хуай не спал, ждал его у ворот. Увидев его, он с
облегчением вздохнул, но, подойдя ближе и почувствовав запах вина, укоризненно сказал:

— Ваше Величество, вы ведь только-только оправились от болезни, зачем же вы пили?

Се И, с лёгким румянцем на щеках, взглянул на него.

— Сходи в академию Хунвэнь, возьми картину «Игра в шашки за двойной ширмой». Завтра я
хочу её подарить. — Он сунул ему в руки коробку. — Это вам с Фан Цзысином, поешьте.

Су Хуай удивлённо принял коробку.

— Благодарю за милость, Ваше Величество. Что это? — Он открыл её и увидел связку изящных,
завёрнутых в зелёные бамбуковые листья цзунцзы.

Су Хуай расплылся в улыбке. А, так это цзунцзы из Квартала Бамбуковых Ветвей.
